

монологический словарь Фасмера, то там слово *вечность* дается в одном этимологическом ряду со словами, например, из литовского языка, которые переводятся на русский как “сила”, “жизнь”, “живость”, “действовать”, “делать”. Иными словами, слово *вечность* принадлежит смысловому полю жизни – как “живой жизни”, внутренне интенсивной, наполненной. На фоне истории слова один из вариантов вечности, предлагаемой подпольным сознанием, приобретает черты некой ложной вечности, анти-вечности – для русского языкового и национального сознания.

Вопрос о вечности мучил Достоевского на протяжении всей его жизни; представления о вечности, ее образ менялся от произведения к произведению, поэтому есть смысл проследить его воплощение в различных произведениях, выделить разные этапы осмысления образа вечности и в то же время установить некоторые инвариантные черты, своеобразные константы творчества.

В “Преступлении и наказании” у героев-двойников Раскольникова и Свидригайлова очень похожие представления о вечности: оба понимают ее как бесконечное существование мыслящего сознания “на аршине пространства”. Свидригайлов боится, что “будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность” [Т. 6. С. 221]. Раскольникову грезится жизнь “где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, – а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, – и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность” [Т. 6. С. 123].

Но у героев, не верящих в будущую жизнь, вечность приобретает разный модус. Если у Раскольникова она живая (“...лучше так жить, чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет” [Т. 6. С. 123] – у него сохраняется страсть к жизни, и в этом, по мысли Достоевского, залог его спасения (Порфирий Петрович предрекает ему: “Знаю, что не веруется, – а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит <...> Знаю, что не веруете, а, ей-богу, жизнь вынесет” [Т. 6. С. 351]), то у Свидригайлова этот аршин пространства выглядит абсурдно и убийственно: банька с пауками – это смерть заживо. Впрочем, возможно, Раскольников цепляется за жизнь как раз чтобы спастись от мертвой свидригайловской вечности “на аршине пространства”. “Бытие, во всей своей первородной простоте, торжествует в нас, а это и есть главное, насущное, – остальное приложится или, говоря осмотнительнее, может приложиться. Эта первоженная благословенная простота – жажда быть – совпадает в нас с образом и подобием Бога” [3].

Но со временем вечность “на аршине пространства” начинает представляться Раскольникову по-свидригайловски, и тогда его охватывает